

*Н.А. Замараева**

Китай, Пакистан и процесс национального примирения в Афганистане

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена трёхсторонним китайско-афгано-пакистанским отношениям в 2014–2015 гг., роли Пекина в урегулировании внутриафганского конфликта, перспективам региональных углеводородных, транспортных, торговых проектов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Синьцзян, Китай, Афганистан, Пакистан, афганское Движение Талибан, боевики, диалог, Шёлковый торговый путь.

В середине февраля 2015 г. министр иностранных дел Китая Ван И выступил с предложением о посредничестве в урегулировании афганского кризиса и организации мирных переговоров между официальными властями Кабула и Движением Талибан. «Мы будем поддерживать правительство Афганистана в вопросе примирения с различными политическими группировками, в том числе талибами... Китай готов играть конструктивную роль и оказать необходимое содействие в любое время»¹.

На протяжении всех лет антитеррористической кампании Международных сил содействия безопасности (МССБ) в Афганистане, Китай пристально следил за ситуацией на северо-западе региона. В сентябре 2001 г., после падения режима талибов в Кабуле, Пекин оказал помощь Афганистану в размере 250 млн. долларов. Но финансовая поддержка носила ограниченный характер, и в основном сводилась к подготовке специалистов по борьбе с наркоугрозой.

* Замараева Наталья Алексеевна, к.и.н., ст.н.с. Центра стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН, Москва, Россия; E-mail: olunja@mail.ru

© Замараева Н.А., 2015

¹ The Frontier Post, 18.02.2015.

Стабилизационные усилия, предпринимавшиеся как внутренними, так и внешними акторами, передача ответственности за обеспечение безопасности от иностранных военных афганским вооружённым силам в декабре 2014 г., завершение боевой миссии МССБ не принесли ожидаемого мира на землю Афганистана. В таких условиях не исключалась вероятность, во-первых, вакуума политической власти в стране, и, во-вторых, попыток группировок движения Талибан свергнуть правительство и вновь, как в 1996 г., захватить Кабул. Это, в свою очередь, создавало опасность дальнейшего роста трансграничного экстремизма, распространения наркоугрозы в регионе.

В сентябре 2014 г. успешное завершение избирательного процесса в Афганистане, формирование правительства национального единства, первая в истории страны мирная передача власти от одного избранного главы государства следующему — президенту Ашрафу Гани, также не приблизили нормализацию обстановки в стране. Одним из вызовов, унаследованных новой администрацией Афганистана, оставалась реализация Программы национального примирения, переговоры с основной антиконституционной силой — движением Талибан. Его представители отказывались от прямых контактов с администрациями Кабула и Вашингтона, начиная с ввода в Афганистан коалиционных войск НАТО в сентябре 2001 г. в рамках международной антитеррористической кампании.

Кабул занимает важное место в системе внешнеполитических приоритетов стран региона — Индии, Китая, Пакистана, традиционно являясь важным элементом их стратегии по обеспечению национальной безопасности. В 2015 г. в результате выхода военных сил НАТО из Афганистана, каждая из стран активизировала усилия по созданию новой геополитической ситуации в Западной Азии.

Давнее противостояние Исламабада и Нью-Дели ставило цели, во-первых, не допустить наращивания влияния другой стороны в Афганистане и, во-вторых, гарантировать своё присутствие в политическом истеблишменте Кабула.

Начиная ориентировочно с 2013 г., когда США и командование МССБ в очередной раз подтвердили планы вывода коалиционных войск из Афганистана, на Кабульском направлении заметно активизировался Пекин. Он ставил целью достижение и поддержание политического урегулирования, стабильное социально-экономическое развитие страны и, соответственно, гарантированное неповторение внутриафганской войны по примеру 90-х гг. XX в.

Прежде чем заявить о непосредственном участии в подготовке процесса национального примирения в Афганистане, Пекин провёл большую и сложную работу. Вероятно, он получил определённые гарантии поддержки от каждой из сторон конфликта как в самом

Афганистане, так и в регионе, в частности от Исламабада. Известно, что военный истеблишмент Пакистана на протяжении многих лет поддерживал контакты с афганскими талибами, и как утверждают многие аналитики, ключи от переговоров находятся в руках пакистанских генералов.

Шаги по стимулированию внутриафганского диалога предпринимал и Исламабад. Но в пакистано-афганских отношениях в силу разных причин отсутствовало доверие. За последние тринадцать лет Кабул неоднократно обвинял его в поддержке афганских талибов, в укрытии на своей территории лидеров Талибана (повелителя правоверных муллы Омара, эмира Исламского эмирата Афганистан, 1996–2001 гг.).

Миротворческую миссию в Афганистане Пекин связывал с обеспечением национальной безопасности:

- борьбой с исламистским экстремизмом и терроризмом в регионе, локализацией сепаратистских тенденций в Синьцзян-Уйгурском автономном районе;

- дальнейшим укреплением торгово-экономических связей, поиском новых товарных, углеводородных, энергетических треков, и как следствие, выходом на рынки центрально-азиатских государств (западное направление) и к водам Ормузского пролива и Индийского океана (юго-западное направление) через пакистанский порт Гвадар. Это связано со стратегией Китая, ориентированной на экономический подъём своих внутренних, менее развитых западных регионов, таких как Синьцзян.

Пекин комплексно и заблаговременно подошёл к вопросу посредничества в национальном урегулировании в Афганистане, разработав для этого ряд долгосрочных экономических и политических программ. На протяжении последних лет Китай вкладывал миллиарды долларов в экономику Афганистана, направил прямые инвестиции в инфраструктуру и добычу полезных ископаемых и энергетические ресурсы страны. В 2014 г. он вновь выразил заинтересованность в финансировании ряда крупных энергетических и инфраструктурных проектов.

Афганистан со своей стороны осознавал, что долгосрочная устойчивость его экономики может быть обеспечена только за счёт расширенной интеграции в регионе. Свой первый зарубежный визит президент Афганистана Ашраф Гани Ачакзай совершил в Китай в октябре 2014 г., менее чем через месяц после инаугурации. Официальные документы подчёркивали взаимовыгодный характер его встречи с председателем КНР Си Цзиньпином. Визит в Поднебесную, таким образом, обозначил одно из направлений внешней политики новых

властей Афганистана, направленной на укрепление позиций Кабула в Азии посредством сотрудничества с ближайшими соседями.

Пекин поспешил заверить президента Ашрафа Гани, что поддерживает его усилия по обеспечению внутренней безопасности Афганистана, но в то же время не проявил готовности заменить выведенные из Афганистана западные войска. Финансовая и техническая помощь в восстановлении инфраструктурных объектов страны — вот основные приоритеты Пекина. Всем известны его крупные инвестиции в проект медного рудника Айнак, строительство Республиканского госпиталя и т.д. Тогда же, в октябре 2014 г., Пекин предоставил Кабулу заём на сумму 327 млн. долларов до 2017 г., а также оказал помощь в обучении 3000 афганских специалистов в течение пяти лет².

Но матрицей политического и экономического сотрудничества для Пекина в регионе Западной Азии стали не столько двусторонние связи, а комплексное региональное сотрудничество: китайско-афгано-пакистанский трёхсторонний стратегический диалог, где Пекин и Исламабад вновь подтвердили поддержку «возглавляемому афганцами и собственно афганскому процессу примирения» и усилиям по достижению мира и безопасности, восстановления и экономического развития Афганистана³.

Иными словами, стратегические партнёры «треугольника» вновь заговорили о возрождении так называемой Памирской группы (2011 г.). Их совместная территория представляет «перекрёсток потоков товаров, идей, культур и религий между Китаем, Центральной Азией, Европой и арабским миром»⁴. Именно в политической, экономической, логистической цепочке трёх стран возможна реализация крупных взаимовыгодных сделок. Например, нефтяной проект в бассейне Амударьи при технической и финансовой поддержке Пекина в перспективе поможет Афганистану в оздоровлении его экономики.

Пакистан, со своей стороны, заявил в очередной раз в октябре 2014 г. о возобновлении совместного с Афганистаном энергетического проекта CASA-1000; в феврале 2015 г. — о газопроводе ТАПИ.⁵ В рамках Трёхстороннего стратегического диалога участники поддержали финансирование Пекином гидроэнергетического проекта в провинции Кунар мощностью 1500 МВт на востоке Афганистана. Ввод в эксплуатацию плотины предполагал также поставки электроэнергии в Пакистан, который на протяжении последних лет переживает острый

² Dawn, 29.10.2014.

³ Министерство иностранных дел Пакистана, 09.02.2015, 13.02.2015.

⁴ The Nation, 08.06.2011.

⁵ Министерство иностранных дел Пакистана, 11.02.2015.

энергетический кризис. Было достигнуто соглашение о том, что команда менеджеров двух стран будет управлять объектом совместно.

В дальнейшем Китай планировал финансировать строительство автомагистрали, соединяющей северо-западный пакистанский город Пешавар и Кабул; железнодорожный трек от пакистанского города Кветта (столица провинции Белуджистан) на север до южного афганского города Кандагар⁶.

В перспективе — возрождение исторического торгового маршрута Шёлковый путь. Проект имеет большой потенциал для трансформации региональной политики. Отправной географической точкой в Китае намечен небольшой город Кашгар Синьцзян-Уйгурского автономного района. Он расположен всего в нескольких часах езды от Ваханского прохода (на границе с Афганистаном). Именно его Пекин рассматривает как площадку для потенциального центральноазиатского и южноазиатского промышленного парка и размещения складских сооружений. С этой целью Пекин направил Кабулу инвестиции на строительство сети дорог, энергетических трубопроводов, электрических сетей и других объектов инфраструктуры, соединяющих Афганистан и Пакистан с Китаем. В то же время работы на отдельных проектах (на площадке медного рудника и железнодорожного узла близ Кабула) были в прошлом приостановлены из-за военных столкновений афганских проправительственных войск и талибов.

* * *

Одним из региональных вызовов для стран «треугольника» остаётся исламистский экстремизм. Китай и Пакистан высказывали опасения, что вывод из Афганистана такой сдерживающей силы, как коалиционные войска США и НАТО, резко активизирует боевиков. И действительно, в конце 2014 — начале 2015 гг. талибы совершили ряд дерзких нападений на объекты национальной армии и гражданской администрации в южных и центральных провинциях страны.

Пекин опасался, что волна терроризма вновь докатится до Синьцзяна. Рост исламистского экстремизма в соседнем Афганистане и Пакистане в конце XX — начале XXI века оказал влияние на китайских мусульман, в первую очередь на этнических уйгуров. Они представляют собой тюркоязычное меньшинство, проживающее в Синьцзяне на северо-западе Китая.

После китайской революции в 1949 г. часть уйгуров перебралась на территорию Пакистана. Это была первая волна переселенцев. В тот период многие из них ожидали, что Пакистан будет поощрять их стремление к суверенитету — созданию в Синьцзяне ещё одного

⁶ The Frontier Post, 18.02.2015.

мусульманского государства на северной границе, но у Карачи тогда было много своих забот. Позднее, в 1980-х годах XX века уйгуры использовали территорию соседа в качестве транзита для паломничества в Мекку.

В 80-х — 90-х годах XX века события в соседнем Афганистане способствовали формированию движения уйгуров, известного как Исламское движение Восточного Туркестана⁷. Они неоднократно проводили мероприятия, требуя выхода из состава Китайской Народной Республики и создания независимого государства. Пекин неоднократно осуждал сепаратистов. Опасаясь преследований, часть уйгуров бежала в страны региона: Афганистан, Вьетнам, Казахстан, Лаос, Мьянму, Пакистан, Таиланд, Турцию, но это лишь стимулировало террористическую деятельность уйгуров на родине, в Китае⁸. В 2014 году власти Китая осудили более 700 сепаратистов-уйгуров за антиправительственные выступления. По утверждению китайских властей, религиозные фанатики спровоцировали волну атак в Синьцзяне и по всему Китаю, в которой за несколько последних лет погибли сотни людей.

В Пакистане уйгурские боевики с конца 1990-х годов обосновались в Северном Вазиристане на границе с Афганистаном, используя эту территорию как плацдарм для действий против китайских властей; они обустроили там тренировочные лагеря, склады оружия, многие перебрались с семьями⁹. Исламское движение Восточного Туркестана имеет тесные связи с афганским движением Талибан, Аль-Каидой и Исламским движением Узбекистана (ИДУ). В регионе ведётся активное рекрутирование уйгурской молодёжи, в частности, организацией Хизб-и-Ислами. Некоторые из молодых людей, согласно пакистанским СМИ, были завербованы Аль-Каидой.

Китай рассматривает союз уйгуров с исламистскими воинственными группировками в Афганистане и Пакистане как серьёзную угрозу национальной безопасности, и неоднократно призывал эти страны, а также центральноазиатские государства активизировать борьбу с религиозным экстремизмом.

В последние годы Пекин неоднократно выражал свою обеспокоенность по поводу присутствия боевиков, этнических уйгурских из Исламского движения Восточного Туркестана в Афганистане и Пакистане; призывал к ликвидации их тренировочных лагерей на территории

⁷ The Nation, 15.03.2015.

⁸ Там же.

⁹ http://www.longwarjournal.org/archives/2014/05/turkistan_islamic_party_target.php (22.05.2014).

этих стран с целью остановить группы боевиков, возвращавшихся в Синьцзян.

В июне 2014 г. федеральная армия начала крупномасштабную военную операцию с целью «... ликвидации местных и иностранных террористов (и мест их укрытий), которые ведут вооружённую борьбу против государственного строя Пакистана»¹⁰. Генштаб Пакистана неоднократно заявлял, что «искоренение терроризма на территории всей страны проводилось в рамках комплексной стратегии безопасности»¹¹. Многие в Пакистане соглашались, что военная кампания 2014 г. в СВ — это одновременно ответ на запрос властей Китая на ликвидацию баз боевиков этнических уйгуров и создание плацдарма для будущих переговоров.

* * *

Китай имеет общую границу с Афганистаном — Ваханский проход, это узкая (около 80 км) полоска территории на северо-востоке Афганистана, которая примыкает к Китаю, одновременно отделяя Таджикистан от Пакистана в районе Кашмира. Ваханский проход Афганистана расположен географически в относительной близости от китайского Кашгара (Синьцзян). Долгое время, начиная с 90-х годов XX века, Пекин блокировал его, опасаясь наплыва боевиков и будучи обеспокоен ростом насилия в регионе. Прошло время, и ситуация изменилась. Во время визита в Пекин в октябре 2014 г. президент ИРА Ашраф Гани выразил готовность и поддержку афганской стороны в борьбе Китая против террористического Исламского движения Восточного Туркестана¹², но одновременно вновь поднял вопрос об открытии Ваханского прохода, жёстко блокируемого пограничниками Китая¹³.

Географическая близость Афганистана, Китая, Пакистана и экономические требования XXI века диктуют необходимость возрождения Великого Шёлкового пути. Преследуя эту цель, китайская дипломатия столкнулась с необходимостью включиться в переговорный процесс со всеми сторонами внутриафганского конфликта.

Параллельно с развитием дипломатических и экономических инициатив Пекин работал над обеспечением регионального консенсуса по афганскому примирению. В прежние годы он внимательно отслеживал попытки США и других стран НАТО организовать прямые переговоры между представителями экс-президента Афганистана

¹⁰ Пресс-релиз Штаба сухопутных войск Пакистана, 16.06.2014.

¹¹ Пресс-релиз Штаба сухопутных войск Пакистана, 23.09.2014.

¹² Dawn, 29.10.2014.

¹³ Там же.

Х. Карзая и лидерами движения Талибан. С назначения в июле 2014 г., специального представителя КНР по Афганистану Сан Юйси, Пекин значительно продвинулся в этом вопросе.

Китайские дипломаты провели ряд встреч с эмиссарами афганских талибов в странах Персидского залива и на территории Пакистана. Рассматривая ближневосточные столицы как основной источник финансирования отдельных группировок афганских боевиков, Пекин обратился в 2014 г. к Саудовской Аравии и другим странам Персидского залива с целью заручиться их поддержкой при налаживании контактов и организации встреч.

Согласно сообщениям афганских и пакистанских СМИ, делегация талибов посетила Китай в конце 2014 г. и провела переговоры. Однако в январе 2015 г. повстанцы заявили, что берут паузу, чтобы осознать стоит ли принимать посредническую роль Китая, в какой степени, и на каких условиях. В заявлении талибов подчёркнуто «уважение усилий всех заинтересованных сторон в этой связи, однако, они ещё не приняли решения о новом курсе действий».

Три особенности отличает почерк Пекина при организации потенциальных переговоров. Во-первых, китайцы охватили всех основных игроков, вовлечённых в конфликт как внутри Афганистана, так и в регионе. Во-вторых, они проявили максимум нейтралитета ко всем участникам, чем и заслужили авторитет даже среди афганских боевиков. В-третьих, Пекин не является стороной конфликта.

Китай последовательно подталкивает все региональные и внутри-афганские стороны принять его роль посредника в процессе национального примирения в Афганистане.

*N.A. Zamarayeva**

China, Pakistan and the national reconciliation process in Afghanistan

ABSTRACT: The article focuses on the tripartite Sino-Afghani-Pakistani relations in 2014–2015, Beijing's role in settlement of the Afghan conflict, prospects of regional hydrocarbon, transport and trade projects.

KEYWORDS: Xinjiang, China, Afghanistan, Pakistan, Taliban, fighters, dialogue, Silk Road.

* Zamarayeva Natalya Alekseevna, PhD in History, senior researcher of the Center of the Middle East countries, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; E-mail: olunja@mail.ru